
В. С. ХАЗИЕВ

О ПОНЯТИИ «ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА»

В статье анализируется категория «объективная истина» в контексте парадигмальных установок советской философии.

Ключевые слова: истина, онтология, объективность, гносеология, диалектика.

Исторически категория «истина» рассматривалась в единстве онтологических и гносеологических составляющих. Если воспользоваться дихотомией «объективная диалектика» и «субъективная диалектика», которая в недалеком прошлом использовалась в отечественной философии весьма активно, то рассматриваемую категорию можно применять и к знаниям, и к вещам. Формула «*Veritas est adaequatio intellectum et rei*» неотделима от «*Veritas est adaequatio rei et intellectus*».

В силу целого ряда социально-исторических и идеологических причин¹ в отечественной философии XX в. наблюдалась абсолютизация одной из этих формул, а именно – гносеологической. Об этом читаем в работах 50-х гг., например у М. Розенталя и П. Юдина: «Истина – соответствие понятия, идеи с объектом; знание, правильно отражающее объективную действительность»². Об этом же говорил И. С. Нарский в 1660–1970-е гг.: «Истина есть соответствующее объективной реальности содержание человеческого сознания... Истина не есть свойство самих объектов»³. Такое же ограничение пространства применимости зоной лишь субъекта можно увидеть и в 1990-е гг. В учебнике, рекомендованном для аспиран-

---

¹ Подробнее о том, как взгляды английских и французских материалистов XVII–XVIII вв. перекочевали в работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а потом по понятным причинам стали догмой, см.: Хазиев В. С. Роса истины. – Уфа, 1998.

² Краткий философский словарь. – 3-е изд. – М., 1952. – С. 160.

³ Нарский И. С. Проблема истины и истинности / И. С. Нарский // Диалектическое противоречие и логика познания. – М., 1969. – С. 164, 166.

тов, можно прочесть: «Истина есть свойство знания, а не свойство объекта познания»⁴.

А «между тем, – писал М. А. Лифшиц, – тезис о том, что истинность есть свойство (только. – В. Х.) мысли и языка, а не самих вещей, не так достоверен»⁵. Подчеркиваем, речь идет о применимости категории «истина» не только к знанию о вещах, а именно к самим вещам, предметам, явлениям, их отношениям, связям.

Единство онтологической и гносеологической трактовки истины восходит корнями к философии античности. Аристотель пишет: «В самом основном смысле сущее – это истинное и ложное, что имеет место у вещей через связывание или разъединение, так что истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным, связанное – связанным, а ложное – тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами. Так вот, раз это так, то спрашивается, когда имеется или не имеется то, что обозначается как истинное или как ложное. Следует рассмотреть, что мы под ними разумеем. Так вот, не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, а, наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду»⁶. Предельно просто: если истинную вещь считаем истинной, а ложную вещь – ложной, то знание истинно. Истинными бывают и вещи, и знания о них. Если нет онтологической истины, то получение гносеологической истины или затруднено, или принципиально невозможно. Знать то, чего нет или что еще не достигло своей актуальности, по меньшей мере затруднительно. Как назвать стол, который никуда не годится? А хлеб, который нельзя есть? А самолет, который не летает? Колокол, который не звонит? Обувь, которую нельзя носить? Миллионы тонн хлопка, существующие только в отчетах? А товар, который никто не покупает? А философа, который ненавидит мудрость? На мой взгляд, ответ один: это предметы, которые не соответствуют своим понятиям или не достигли своего актуального уровня развития или эта актуальность деформирована, то есть ложные. Именно предметы. Вот еще одно характерное высказывание Стагирита: «“Ложное” означает то, что ложен предмет... Ложно также то,

⁴ Философия для аспирантов / под ред. И. И. Кального. – СПб., 1999. – С. 404.

⁵ Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. – 1980. – № 10. – С. 124.

⁶ Аристотель. Метафизика 9.10.

что хотя и существует, однако по природе таково, что кажется или не таким, каково оно есть, или тем, что оно не есть... Итак, вещи называются ложными в этом значении или потому, что они не существуют, или потому, что вызываемое ими представление есть представление о несуществующем»⁷. В Средние века, например у Фомы Аквинского, «Veritas rerum» и «Veritas intellectum» соседствовали постоянно. Категория «истина» была философской в целом, а не относилась только к одной ее части – гносеологии. Французские и английские материалисты в своей страстной борьбе со средневековой схоластикой и теоцентризмом выплеснули с водой и ребенка – возможность материалистического прочтения формулы «Veritas est adaequatio rei et intellectus». От них эта крайность перешла к В. И. Ленину и закрыла на долгие годы возможность истинного понимания категории «истина».

Онтологические варианты трактовки истины и лжи лежат на самой границе вопроса об **объективной** истине. Удивление и недоумение от отрицания возможности материалистического прочтения онтологической формулировки истины «как соответствия предмета своей всеобщей природе, своим имманентным законам возникновения, развития и разрушения» возрастают еще и потому, что авторы, отрицая применимость категории «истина» к самим объектам, ясно видят, с какой необычайной трудностью в этом случае сталкивается оставшееся в одиночестве гносеологическое понимание истины. Будь истина онтологической, все было бы просто: есть онтологическая, она же объективная, истина, которая, отражаясь в сознании, дает гносеологическую истину. И истинное познание тогда в строгом и точном смысле было бы познанием истины объективной.

Уточним термины. Объективная истина становится онтологической истиной тогда, когда возникает ее противоположность – гносеологическая истина (то есть истина в рамках теории познания). Здесь тот же механизм, когда предмет становится объектом познания: при наличии субъекта познания. Противоположность между онтологической и гносеологической истинами, понятно, не абсолютна, как и, например, противоположность между материей

---

⁷ Аристотель. Метафизика 5.29.

и сознанием. И то и другое возникает, как подчеркивал еще В. И. Ленин, лишь в рамках гносеологии. Но явления гносеологии нельзя объяснить, если отдать предпочтение в этих противоположностях лишь одной стороне. Разве это не аксиома для материалистической гносеологии?! Если нет онтологической истины, уже нельзя избежать целого ряда искусственных допущений, двусмысленных недомолвок, запутанных словесных конструкций.

Анализ и вся апология онтологической трактовки истины есть лишь шаг на пути к выяснению понятия «объективная истина». Из вышесказанного об онтологической истине нетрудно заметить ее близкое родство с объективной истиной. Деталей и нюансов этого различия – огромное множество. Дело пока не в этом. Понимание объективной истины как соответствия, причастности и принадлежности свойства «быть истинным» самим вещам вне и независимо от человека, то есть объективно, в точном и строго философском смысле этого понятия, отличается от широко распространенного в отечественной философской литературе понимания объективной истины «как объективного содержания истинного знания». Хотя последнее определение мы взяли в кавычки, сноску на авторов делать не станем, ибо для многих и сегодня такой взгляд представляется не консерватизмом мышления, уже освобожденного почти двадцать лет от идеологических оков, а самоочевидной позицией. Не следует делать этого еще и потому, что абсолютизация гносеологического подхода автоматически вынуждает искать «объективную истину» в недрах мысли, духа, знания, сознания.

Чаще всего можно встретить следующую трактовку объективной истины. Объективная истина – это содержание знания, которое возникает в результате отражения объективной реальности; если знание будет ей адекватно, то его содержание и будет искомой объективной истиной. Есть нюансы, есть детали – их много, они очень интересны. Они заслуживают самого пристального внимания, но при всех вариантах остается общей мысль, что объективная истина – это истинное знание, которое заслуживает эпитета «объективное» только потому, что отражает объективный мир. Как ни уточняй, все равно получится, что «объективная истина» связана с человеком. Слово мы взяли в кавычки, чтобы подчеркнуть широко известное положение материализма о том, что «объективное»

означает то же, что и «вне и независимо от человека». Безусловно, требуется подробное разъяснение, как содержание знания может быть вне и независимо от человека. Иначе говоря, как объективное может попасть в знание и оставаться в то же время «вне и независимо от человека». То, что соответствует содержанию знания, может быть объективным, но не само содержание, которое и возникает в результате присутствия и усилий субъекта. Без субъекта нет содержания знания. А отраженные в этом содержании предметы, их свойства, отношения и связи объективно могут быть. Эта трудность неизбежно возникает при абсолютизации гносеологической трактовки истины.

Рассмотрим несколько вариантов преодоления противоречий такого «гносеологического» понимания объективности истины. «Нетрудно видеть, – писал М. Н. Руткевич, – что объективность истины несколько иного рода, чем объективность материального мира: материя находится вне сознания и не зависит от него, истина находится в сознании, но по содержанию своему не зависит от него и от носителя сознания»⁸. При всей нечеткости формулировки смысл понятен: от «носителя сознания» не зависит ни содержание знания, ни содержание истины, а тот предмет, отражение которого образует содержание истинного знания. А содержание знания всегда связано с человеком, с его сознанием, иначе оно не входило бы в состав знания. Утверждение, что «содержание истины» объективно, если понятие «объективно» понимать в философском смысле, – вообще большое недоразумение, ибо можно подумать, что бывает знание, у которого форма остается в голове человека, а содержание где-то вне и независимо от человека, то есть объективно. И уж совсем непонятно становится, если предметом отражения, который станет «содержанием истины», выступает субъективная реальность. Здесь вообще концы с концами перестают сходиться. Приходится придумывать еще более усложненные вербальные конструкции, чтобы как-то вразумительно пояснить, почему содержание знания и в этом случае будет «объективной истиной», хотя отражена не объективная, а субъективная реальность. Значит, содержание истинного знания будет «объективной истиной» не потому,

---

⁸ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. – М., 1973. – С. 233.

что отражается объективная реальность, а по какой-то иной причине. Невооруженным глазом видно, что категория «объективная», которая в материализме имеет точный и строгий смысл – «вне и независимо от человека, его сознания и воли», в данном случае становится расплывчатой. Если приглядеться без предубеждения, очевидно противоречие. Надо выбирать: объективное – это или то, что вне и независимо от человека, или – содержание истинного знания. Дизъюнкция строгая.

Разумеется, никто не может запретить вкладывать свой смысл в тот или иной термин автору, его использующему, но если «объективным» мы будем называть отраженное, имеющее вне и независимо от человека существующий денотат и именно по этой причине, то для сохранения логического реноме следует отказаться от понимания объективного как вне и независимо от человека существующего отражаемого. Двусмысленность употребления понятия «объективный» постоянно обнаруживается у авторов, которые абсолютизируют гносеологическую трактовку истины, когда начинают говорить об объективной истине. Рассмотрим эту двойственность еще на одном более раннем примере. Ф. И. Хасхачих привлек наше внимание, во-первых, потому, что Федор Игнатьевич стоял у истоков распространения в советской философской литературе гносеологического понимания истины, во-вторых, у него наиболее отчетливо просматривается следующее: когда говорят об истине, само собой разумеется, речь идет об объективной истине, понимаемой им как содержание истинного знания. Вот несколько его высказываний. «Материалисты так или иначе признают объективную истину»⁹. К сожалению, он не уточняет, что значит «так» и как будет «иначе». Может, под «так» надо понимать объективную истину как содержание знания, отражающее объективный предмет, а под «иначе» – истинность предмета самого по себе, без вмешательства человека, то есть объективно, что равносильно онтологической трактовке истины. Но это только наше предположение, у Хасхачиха никаких указаний на онтологическое понимание истины как объективной истины нет. Наоборот, он постоянно акцентирует внимание на том, что объективная истина – это содержание

---

⁹ Хасхачих Ф. И. Истина // Вестник МГУ. – Серия 7. Философия. – 1988. – № 1. – С. 50.

знания, имеющее объективный денотат. «Под объективной истиной Ленин понимает, – пишет он, указывая и источник, откуда берется такое его представление, – такое содержание в наших ощущениях, представлениях и понятиях, которое не зависит ни от отдельного человека, ни от человечества»¹⁰. Подобная ссылка на В. И. Ленина встречалась часто. Здесь необходимо подчеркнуть, что Хасхачих – страстный защитник материализма, он прекрасно рисует картину, сколько бедствий несет материализму отрицание существования объективной истины, по которой можно также провести водораздел между материализмом и идеализмом¹¹. Тем больше вызывает недоумение, когда после такого отстаивания права на существование объективной истины ее сводят до «содержания знания», тем самым, на наш взгляд, начисто перечеркивая даже само определение «объективной» истины. Но мы хотели поговорить о другом: о постоянной двусмысленности понятия «объективная истина», если оставаться внутри трактовки истины как знания. Возьмем для примера следующие слова Ф. И. Хасхачиха: «Диалектический материализм, признавая существование объективной истины, указывает путь ее познания. Объективная истина познается не сразу, целиком, а по частям. Человеческое познание в процессе своего развития все глубже раскрывает объективную истину»¹². Попробуем прочитать эти слова, подставляя везде вместо словосочетания «объективная истина» другое – «содержание знания». Если объективная истина – это содержание истинного знания, то общий смысл был бы идентичным, должен был бы сохраниться. А получается нелепица: будто диалектический материализм предлагает искать объективную истину и познавать ее в головах людей, в содержании знаний, а не в объективном мире. Что познается не сразу, целиком, а по частям? Содержание истинных знаний или же объективные предметы в их объективной истинности или ложности? Думается, что Хасхачих здесь вкладывает в понятие «объективная истина» совсем другой, чем «содержание знания», смысл, а именно тот, который мы обозначали как онтологическую трактовку истины. «Познание объективной истины раскрывается через относительную и абсолютную

¹⁰ Хасхачих Ф. И. Указ. соч. – С. 49.

¹¹ Там же. – С. 50–52.

¹² Там же. – С. 53.

истины и их соотношение»¹³. Что раскрывается через соотношение абсолютной и относительной истин? Что познается? Содержание истинного знания? Да нет же! Познается совсем другое. Когда мы хотим познать объективную истину, мы должны познавать объективную вещь в ее истинности, а истинность сия вовсе не зависит от человека. Потому мы и станем именовать ее «объективной» – и никак иначе. И мысль эта вовсе не нова. Еще более пятидесяти лет назад экзистенциалист М. Хайдеггер с поразительной ясностью высказал мысль, что «истина предложения возможна только на основе истинности вещи»¹⁴. Такой подход в корне меняет понимание как относительной истины, так и абсолютной, меняет философскую картину видения мироздания.

В процессе познания мы можем встретиться не только с объективной истиной, но и с объективной ложью, то есть неистинным состоянием вещи самой по себе. Разве огромная ветвистая яблоня, на которой никогда не выросло ни одного яблока, – это не пример объективно ложной яблони? И разве знание причин ее ложности менее ценно? Алмаз, который крошится и не режет стекло; тигр, который боится ягненка; человек – мизантроп; общество, которое уничтожает своих граждан, – все это примеры явлений, которые ложны объективно: они не соответствуют своим понятиям, своим сущностям, своей природе, своим законам существования. И здесь дело вовсе не в многообразии их форм существования, а в деформированности (деструкции) их сущности.

О том, что бывает истинная природа самой вещи, говорит и сам Хасхачих: «без размышления человек не может раскрыть истинную природу предмета»¹⁵. Значит, природа предмета может быть и «неистинной», то есть ложной. Человек может познавать и истинную, и ложную природу предмета, получая в том и в другом случае знание, соответствующее предмету. Казалось бы, все так ясно и просто, но опять «марксизм признает существование объективной истины, то есть наличие в истине такого содержания, которое не зависит ни от человека, ни от человечества»¹⁶. А. Н. Илиади не стал

¹³ Хасхачих, Ф. Указ. соч. – С. 53.

¹⁴ Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. – 1989. – № 4. – С. 93.

¹⁵ Хасхачих, Ф. Указ. соч. – С. 53.

¹⁶ Диалектический материализм / под ред. А. П. Шептулина. – М., 1974. – С. 155.

брать слова «не зависит ни от человека, ни от человечества» в кавычки, видимо, потому, что эти слова В. И. Ленина общеизвестны и цитируются почти всегда, когда говорят об объективной истине¹⁷.

Куда делась такая простая мысль, известная еще элеатам, что истинное знание – это знание об истинно существующем?.. Почему раз за разом авторы делают вид, что не видят того, что гносеологическая истина, как верно заметил еще Т. Павлов, «всегда субъективна, поскольку она всегда является человеческой истиной (а не “ничьей”)?»¹⁸? Восточная пословица гласит: «Хоть тысячу раз кричи: “Халва!” – во рту от этого слаще не станет». Тысячу раз можно повторить, что содержание знания – это объективная истина, однако истинное содержание знания никогда не станет объективным, если понятие «объективное» понимать как существование чего-либо за пределами головы человека, существующего независимо от человека, без человека и до человека.

Что было действительной причиной обструкции онтологического понимания истины и абсолютизации ее гносеологической трактовки в отечественной философии прошлого столетия, мы указали: идеологический догматизм советской идеологии со ссылкой на авторитет В. И. Ленина. Тем интереснее будет посмотреть, как выглядела позиция вождя мирового пролетариата по этому вопросу на самом деле.

Вот слова В. И. Ленина, имеющие прямое отношение к рассматриваемому вопросу. «Существует ли объективная истина, то есть может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?»¹⁹ Ясно, что в период работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом» в термин «объективная истина» он вкладывал смысл, что она есть «содержание знания, соответствующее объективному миру».

В. И. Ленин допустил терминологическую вольность, возможно, для него не играющую принципиальной роли, но при формальном понимании и восприятии его слов оказывающую деформи-

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 18. – С. 123. У Ленина: «...которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества».

¹⁸ Павлов Т. Теория отражения. – М.: Ин. лит-ра, 1949. – С. 408.

¹⁹ Ленин В. И. Указ. соч. – Т. 18. – С. 123.

рующее воздействие на понимание явления, именуемого «объективной истиной».

А знал ли он вообще о наличии онтологического понимания истины? Полагаю, что знал. Неоднократно Ленин выписывал, подчеркивал, комментировал такие трактовки истины.

В «Науке логики» Гегеля Ленин прокомментировал объективно-идеалистическое понимание определения истинности абсолютной идеи. Против слов Гегеля: «Как наука истина есть чистое развивающееся самосознание» – В. И. Ленин коротко пометил: «Поповщина»²⁰. Слова Гегеля «истина бытия есть сущность» В. И. Ленин комментирует так: «Такова первая фраза, звучащая идеалистически насквозь, мистикой». Мысль Ленина не совсем ясна, ибо он тут же замечает: «свежий ветер» – на слова Гегеля: «задний план составляет истину бытия»²¹. Есть в «Философских тетрадах» и выписка из того места, где Гегель рисует картину, как из онтологической когерентности абсолютного духа вырастает онтологическая корреспондентность определения его истинности через истинность его частей – понятия и предмета: «Истина состоит лишь в их отношении друг к другу... что каждое из них в самом своем понятии содержит другое»²². Это место В. И. Ленин оставил без пояснений. Но слова эти привлекли его внимание, он их выписал.

У Гегеля есть слова: «Истина, как согласующееся с объектом знание... пронизало собой объект». Речь о том, что объективный дух, став знанием, пронизывает самого себя в новом облике развития, оставаясь все равно тем же самым объективным духом. В. И. Ленин с двух сторон подчеркнул и написал: «Истина и объект»²³.

Вот еще один комментарий Ленина: «Гегель вполне прав по существу против Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит... от истины, а подходит к ней... от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»²⁴. Истина у Гегеля объективна. И Ленин говорит

²⁰ Ленин В. И. Указ. соч. – Т. 29. – С. 88.

²¹ Там же. – С. 115.

²² Там же. – С. 123.

²³ Там же.

²⁴ Там же. – С. 152–153.

в том же смысле. Если в другом, то последняя строка в замечании Ленина теряет смысл.

Неоднократно В. И. Ленин наталкивался на мысли Гегеля о том, что сущность более истинна, чем явление, что истинность умопостигаемого более истинна, чем истинность чувственно постигаемого²⁵.

Знак «нотабене» поставил Ленин напротив слов Гегеля, что познание вещей «в себе и для себя» есть познание истины, что «истина... состоит в единстве объекта и понятия»²⁶.

В некоторых моментах видно, как мысль Ленина сопротивляется онтологической трактовке истины, как он не желает расставаться уже с привычным гносеологическим представлением об истине. Вот одно такое место. Гегель пишет, что логические формы «сами по себе соответствуют истине». В. И. Ленин украшает эти слова знаками «????», потом пишет: «“Логика” вопрос об истине»²⁷. Ленин не смог преодолеть уже устоявшееся представление, что истина есть категория лишь гносеологическая. Потому он переинтерпретирует (а заодно и упрощает) мысль Гегеля. У Гегеля прослеживается мысль об объективной истинности форм бытия, которые он на свой лад называет «логикой», а Ленин вкладывает в это слово смысл «учение об этих формах». Но это вещи разные. Не будем забывать, что перед нами конспекты, не предназначенные для чужих глаз. Это записи для себя, для уяснения того, что прочитано, а вовсе не трактат по философии. Конспекты эти так и надо оценивать: как процесс самообразования В. И. Ленина. Ленин учился у великих мыслителей прошлого. Учился самостоятельно, уже будучи признанным лидером партии. Учился и не считал это чем-то зазорным. Процесс учения, любого учения, предполагает и возможные упрощения воспринимаемого материала, искажения, недопонимания отдельных моментов, требует преодоления устоявшихся стереотипов мышления.

Рассмотрим пример. «Замечательно: к “идее” как совпадению понятия с объектом, к идее как истине, Гегель подходит через практическую, целесообразную деятельность человека, — пишет

²⁵ Ленин В. И. Указ. соч. — Т. 29. — С. 154, 183.

²⁶ Там же. — С. 155.

²⁷ Там же. — С. 156.

В. И. Ленин и дальше по-своему интерпретирует. – Вплотную подходит к тому, что практикой своей доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки»²⁸. Сбоку он дописал: «От субъективного понятия и субъективной цели к объективной истине». Но ведь у Гегеля речь идет совсем не о том, «объективная истина» у Гегеля обозначает совсем иное. Он утверждает, что объективная абсолютная идея, трансформируясь, развивается и, приняв вид человеческого духа, осознает себя как дух, объективный и мировой, где человеческий дух – лишь момент, помогающий абсолютной идее определять свою истинность. А у Ленина получается совсем иное.

Создается впечатление, что он, хотя и оставался на позиции гносеологической трактовки истины, постоянно приглядывался к онтологическому ее пониманию. Ленин неоднократно выписывает такие места, где у Гегеля речь идет именно об онтологических вариантах определения истины. Выписывает – и оставляет без комментариев. Так обычно делают с материалом, над которым надо подумать, возвращаться и подумать: не раз, не два... Так поступил В. И. Ленин с фрагментами из § 213, где истина определяется как «тождество объективности с понятием»²⁹. Иногда Ленин, как бы поневоле, «проговаривается»: «Юм и Кант в “явлениях” не видят являющейся вещи в себе, отрывают явления от объективной истины»³⁰. Пусть это пересказ Гегеля, но ведь Ленин подтверждает рядом свое согласие с позицией Гегеля, а не Юма и Канта. Здесь союз объективного идеалиста и материалиста против субъективного идеализма проявляется в том, что они оба признают объективную (онтологическую) истину. А вот еще: В. И. Ленин отчеркнул тремя черточками и пометил: «Замечательно верно и глубоко», – следующие слова Гегеля: «Так называемое объяснение и доказательство вводимого в теоремы конкретного материала оказывается отчасти тавтологией, отчасти искажением истинного положения вещей»³¹. Непроизвольно Ленин оценил мысль о возможности искажения «истинного положения вещей» как глубокую и верную.

²⁸ Ленин В. И. Указ. соч. – Т. 29. – С. 173.

²⁹ Там же. – С. 179.

³⁰ Там же. – С. 187.

³¹ Там же. – С. 192.

Но истинное положение вещей тем и интересно, что оно объективно. А в познании объективно истинное положение вещей может быть искажено. Понятно, что тогда это знание будет ложным. В. И. Ленин выписал слова «истинное положение вещей», выражающие онтологическую трактовку истины, которым он особого значения не придает. Об этом свидетельствует, например, то, что Ленин слова Гегеля: «Идея не достигает еще в этом познании истины вследствие несоответствия предмета субъективному понятию»³² – слева подчеркнул одной чертой. Не тремя, не двумя, как делает он на этой же странице выше, а одной коротенькой. То есть Ленин видит эту трактовку истины, но особого внимания не обращает, не придает ей особого значения. Позволю себе допущение, что он оставлял для себя этот вопрос не до конца решенным, открытым. И как честный ученый, если бы он профессионально стал заниматься философией, пришел бы к дополнению своего гносеологического понимания истины онтологическим. Для такого допущения есть основания. В. И. Ленин пишет: «Гегель о практике и объективности познания» – около слов, очерченных с четырех сторон: «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении *an und für sich*. Но человеческое понятие эту объективную истину познания “окончательно” улавливает и овладевает ею, лишь когда понятие становится “для себя бытием” в смысле практики. То есть практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания. Такова ли мысль Гегеля? К этому надо вернуться»³³. Эти слова подтверждают, что В. И. Ленин был знаком с онтологической трактовкой истины, знал суть этой позиции. Это видно из того, что Ленин не только просто пересказал Гегеля, но даже «перевел» на материалистический язык. В знании отражена вещь в ее истинности, если при производстве ее человеком получается желаемая вещь, та самая вещь, которую он познавал и теперь, глядя на полученный результат своей деятельности, убедился, что познал ее в истинном виде.

Сомнение В. И. Ленина: «Такова ли мысль Гегеля?» – и говорит о том, что он оставил вопрос нерешенным для себя.

³² Ленин В. И. Указ. соч. – Т. 29. – С. 192.

³³ Там же. – С. 193.

Вот еще один фрагмент, где В. И. Ленин имеет дело с онтологической трактовкой истины. К слову сказать, эти высказывания он тоже обвел с четырех сторон, справа еще добавив знак «NB»: «Познание... находит перед собой истинное сущее как независимо от субъективных мнений... наличную действительность. (Это чистый материализм.) Воля человека, его практика, сама препятствует достижению своей цели... тем, что отделяет себя от познания и не признает внешней действительности за истинно-сущее (за объективную истину). Необходимо соединение познания и практики»³⁴.

В. И. Ленин сталкивался с онтологической трактовкой истины не только у Гегеля. В книге И. Дицгена «Мелкие философские работы» В. И. Ленин подчеркнул слова: «Истина является и явление истинно»³⁵.

При внимательном прочтении приводимого ниже отрывка из указанной работы Дицгена легко можно видеть моменты, где немецкий философ говорит об онтологической истинности. В. И. Ленин читал, изучал эту работу Дицгена, но его понимание объективной истинности не принял. Дицген писал: «Чтобы точнее познать природу абсолютной истины, прежде всего необходимо преодолеть укоренившийся предрассудок, будто она духовного свойства. Нет, абсолютную истину мы можем видеть, слышать, обонять, осязать, несомненно также познавать, но она не входит целиком в познание, она не есть чистый дух. Ее природа ни телесна, ни духовна, ни то ни другое, – она всеобъемлюща, она как телесна, так и духовна. Абсолютная истина не имеет особенной природы, ее природа есть, скорее, природа всеобщего. Или, выражаясь без всяких иносказаний: всеобщая естественная природа и абсолютная истина тождественны. Не существует двух природ – одной телесной, другой духовной; есть только одна природа, в которой заключается все телесное и все духовное...

Человеческое познание, будучи само относительной истиной, связывает нас с другими явлениями и отношениями абсолютного бытия.

Как субъект, так и объект... составляют части, или явления, той всеобщей сущности, которую мы называем универсумом...

³⁴ Ленин В. И. Указ. соч. – Т. 29. – С. 197–198.

³⁵ Там же. – С. 385.

То, что мы познаем, суть истины, относительные истины, или явления природы. Самое природу, абсолютную истину, нельзя познать непосредственно, а только при посредстве ее явлений. Но откуда мы можем знать, что за этими явлениями скрывается абсолютная истина, всеобщая природа?..

Никогда не говорилось ни об истине, ни о познании ничего более бессмысленного, чем то, что о ней говорит ходячая логика уже целые тысячелетия: истина – это совпадение нашего познания с предметом последнего. Как может картина “совпадать” с моделью? Приблизительно, да... Итак, мы можем лишь относительно познавать природу и части ее, ибо всякая часть ...имеет все же природу абсолютного»³⁶.

Трудность, которая стала камнем преткновения, ясна. Человек может в ходе познания охватить только ограниченную часть природы. То есть знание человека относительно. Но откуда тогда знание о том, что есть абсолютная истина? Дицген отвечает: «Оно прирождено нам»³⁷. В. И. Ленин поставил против этого высказывания знак вопроса. А мысль Дицгена такова. Человек ведь тоже порождение Абсолюта. Следовательно, как часть, он несет в себе и абсолютное. И вот в таком качестве он, человек, сам добывает свои относительные по отношению к Универсуму знания, а идея абсолютной истины – от его единства с этим Универсумом. Дицген чувствует мистичность такого допущения и пишет: «Это материнское лоно и есть абсолютная истина; оно вполне истинно и все же мистично, то есть оно – неисчерпаемый источник познания, следовательно, непознаваемо до конца»³⁸.

Диалектику объективно абсолютной и объективно относительной истин Дицген представлял так: «То, что Спиноза называл бесконечной субстанцией, то, что мы называем универсумом или абсолютной истиной, столь же тождественно с конечными явлениями, с относительными истинами... как лес тождественен со своими деревьями или как вообще род – со своими видами»³⁹. В. И. Ленин мог соглашаться или не соглашаться с такой трактовкой истины, но

³⁶ Ленин В. И. Указ. соч. – Т. 29. – С. 423–424.

³⁷ Там же. – С. 425.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. – С. 427.

не видеть, совсем не замечать, что это иная, чем у него, трактовка, не мог. Остается только предполагать и догадываться, почему Ленин не стал вникать в такое понимание истины, почему прошел мимо, почему никак не прокомментировал. Подчеркивания, выписки таких трактовок свидетельствуют, что В. И. Ленин осознавал это различие двух подходов к пониманию объективной истины, но остался при своем мнении, что объективная истина – это содержание знания, соответствующее объективной действительности, не зависящей ни от человека, ни от человечества. Свое предположение на этот счет мы уже высказали: В. И. Ленин как философ-материалист близок к английскому и французскому материализму XVII–XVIII вв., в котором наиболее последовательно и проводится гносеологическое представление об истине. Дицген же на пути к диалектическому материализму заложил первые камни в фундамент нового понимания объективной (абсолютной и относительной) истины. Позиция Дицгена не лишена еще «родовых пятен» любого крайнего эмпиризма – упрощений и, как следствие этого, непоследовательностей, выражающихся в уступках субъективно-идеалистическому сенсуализму и рационализму. Но общее направление обозначено верно: к диалектическому материализму, который должен преодолеть эмпирическую односторонность абсолютизации гносеологического понимания истины.

Вот еще два высказывания Дицгена, попавшие в поле зрения В. И. Ленина, из которых и без комментариев ясно видны и новизна, и недостатки взглядов Дицгена. «Если мы признаем, что абсолютная истина... существует реально как материальный универсум, и что человеческий дух есть лишь телесная, или реальная, действительная и действующая часть общей истины, признанная отображать другие части общей истины, то этим проблема ограниченного и неограниченного будет совершенно разрешена»⁴⁰. Здесь те же, что мы видели и у Гегеля, контуры восхождения от абстрактного к конкретному при определении истинности абсолютного первоначала мира по схеме онтологической (объективной) когерентности. Вторая цитата: «Природа истины не идеальна, а субстанциальна; она материалистична; она постигается не мыслью, но глазами,

---

⁴⁰ Ленин В. И. Указ. соч. – Т. 29. – С. 428.

ушами и руками; она не продукт мысли, а скорее наоборот: мысль есть продукт универсальной жизни. Живой универсум – это воплощенная истина»⁴¹.

Трудно, просто невозможно удержаться от удивления и восторженного восклицания, читая об этом «живом универсуме», который сам в себе, через себя, с помощью себя делает себя познающе истинным. Восторг вызывает воспоминание о взглядах Вл. Соловьева о вселенском всеединстве, к которому мир идет через ступеньки: природа, общество, человек, – все более усиливая свою истинность, которая через красоту ведет к добру. Мы видим необъяснимую конвергенцию материализма и идеализма – этих евклидовых философских параллелей – в отдаленном будущем, в бесконечно удаленной точке.

В. И. Ленин видел онтологическую трактовку истины не только у Дицгена, но и у других философов. Он подчеркнул при чтении книги А. Рея «Современная философия» слова: «Истина – это объективное»⁴². Привлекла его внимание и мысль Рея, что «заблуждение не есть абсолютная антитеза истины»⁴³. Но почему В. И. Ленин прошел мимо? Почему не использовал это в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм»?

Можно выдвинуть несколько взаимосвязанных предположений. Первое. Когда В. И. Ленин писал свою книгу, конспектов по философии еще не было. Основательное знакомство с историей философии состоялось позже. Второе. Как уже было сказано, Ленин как философ-материалист «замешан» на эмпиризме, близком к эмпиризму английских и французских материалистов XVII–XVIII вв. Это видно невооруженным глазом любому непредвзятому читателю «Материализма и эмпириокритицизма». Третье. При чтении конспектов В. И. Ленина остается странное ощущение. Создается впечатление, что он читает Гегеля не как идеалиста, а как материалиста. Это похоже на то, как дети, которых учат английскому языку, услышав «тейбл», мыслят не «стол», а воспринимают это как русское словосочетание «ты был». Читая конспекты В. И. Ленина, трудно отделаться от этого ощущения: Ленин вкладывает в слова

⁴¹ Ленин В. И. Указ. соч. – Т. 29. – С. 441.

⁴² Там же. – С. 514.

⁴³ Там же.

Гегеля не тот смысл, что сам Гегель, а свой, на словах похожий, но материалистический. Трудно согласиться, что такое прочтение является «материалистическим прочтением» Гегеля. Это одно из возможных объяснений факта, почему в советской философской литературе игнорировалась онтологическая трактовка истины и настойчиво пропагандировалось абсолютизация гносеологического понимания истины, – такой точки зрения придерживался В. И. Ленин. И последователи этой односторонней точки зрения должны вести свою родословную вовсе не с Аристотеля, как это часто делается, а от механистического материализма Нового времени через догматизацию взглядов В. И. Ленина. Социальные события, политика и идеология большевизма, построенного на культе авторитета В. И. Ленина, и послужили непосредственной и прямой причиной абсолютизации в течение долгих лет в советской философии гносеологического понимания истины и обструкции онтологической ее трактовки. Бывает время разбрасывать и время собирать камни. Настало, думается, время исправлять упущенное.